

Читайте в серии:

Элоиза Джеймс «Парижский флёр»

Рене Фройнд «Любовь среди рыб»

Ники Пеллегрино «До свидания, Рим!»

Сара Груэн «Время перемен»

Н.М. Келби «Белые трюфели зимой»

~ Н.М. Келби ~

~ Белые трюфели
зимой ~

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К34

N. M. Kelby
WHITE TRUFFLES IN WINTER

Copyright © 2012 by N. M. Kelby

Перевод с английского *И. Тогоевой*
Художественное оформление *Е. Анисиной*

Келби, Н.М.

К34 Белые трюфели зимой : [роман] / Н.М. Келби ; [пер. с англ. И. А. Тогоевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 496 с. — (Подарочная серия романов о любви).

ISBN 978-5-699-87426-2

Огюст Эскофье был истинным французом, поэтому он превратил кухню в мастерскую художника, вдохнул в поварское дело поэзию и страсть. «Совершенство вкуса» — вот та вершина, которую он смог покорить, точно алхимик, смешивая ингредиенты, пробуя самые неожиданные сочетания продуктов.

Его любовницей была сама Сара Бернар, но сердце его разрывалось между чувством к этой великой актрисе и к жене Дельфине. И в последние дни своей жизни Дельфина простила его — велела принести много помидоров, чтобы чувствовать запах этого овоща, который они с Огюстом когда-то называли яблоком любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87426-2

Как всегда — Стивену

Грядет день, когда свежий
взгляд на обычную морковку
послужит началом настоящей
революции.

Поль Сезанн

Белые трюфели собирают в конце октября, а в ноябре в Сан-Миниато, Италия, устраивается ярмарка трюфелей, и в течение двух недель в ресторанах Италии и Монако проходят дегустации специальных блюд, приправленных свежими трюфелями; этот гурманский гриб полагается есть именно свежим, и многие считают кощунственной всякую его тепловую обработку. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1

В то последнее лето кухня насквозь пропахла всевозможными маринадами, анисовым семенем и ягодами можжевельника. Арбузное варенье, лавандовое желе, засахаренный фенхель — все это, уложенное в банки, уже стояло на полках в кладовой. А сосуды с будущими пикулями из манго и лука — он готовил это по старой привычке, оставшейся со времен жизни в Лондоне, — временно спустили в винный погреб, чтобы овощи хорошенько промариновались. На кухонном столе стояли большие миски с сотами, истекая медом и ожидая того дня, когда из оставшегося воска выплавят свечи или, смешав его с оливковым маслом, под прессом превратят в мыло. Летние грозы были упрятаны в банки со сливовым джемом. Воспоминания просачивались сквозь сосновые доски пола. Слезы превращались в пот.

Но Эскофье ничего этого не замечал. Он был слишком занят — писал мемуары.

В Монте-Карло вновь царствовало изобилие; царствовало оно, как это ни удивительно, и на вилле «Фернан». Монте-Карло, точно некий скалистый

остров, словно плыл в девственно-чистых водах Лазурного Берега, омывающих Прованс. Похожий одновременно и на пеструю вышивку с увитыми бугенвиллеями особняками и виллами, и на крепость, этот город казался волшебной коробкой со сладостями или невероятным свадебным тортом, украшенным позолоченными казино, отелями и кафе, которые делали ночь светлее дня и выглядели так, словно были сотканы из сахарных нитей и переменчивого света звезд. Вилла «Фернан» — большой каменный особняк, принадлежавший Эскофье, — формой своей в точности повторяла изгиб морского берега. Каждый вечер облака, уползая за линию горизонта, увлекали за собой и розовый диск солнца, окуная его в слепящую шумливую синеву моря.

«Тише, тише», — думал тогда Эскофье и продолжал писать.

На закате мадам Эскофье приказывала слугам задернуть занавеси и настезь открыть окна, чтобы впустить в дом свежий вечерний воздух. В прохладные вечера душу грели пирожки с черной смородиной, всевозможные тартинки и сласти. Шорох набегающих на берег волн убаюкивал визгливых и шумных внуков, правнуков, внучатых племянников и племянниц — мадам и месье Эскофье теперь часто путали их имена, — и дети засыпали. Но тот же тихий рокот волн будил их по утрам, и воздух вновь звенел от взрывов детского смеха.

Впрочем, для Эскофье все это был просто шум. Страшно мешавший думать. И каждое утро он мечтал, чтобы поскорее наступил вечер — единственное

Белые трюфели зимой

время, когда он мог по-настоящему сосредоточиться, ибо вечером весь дом наконец затихал.

В тот последний год каждая маленькая победа давалась ему нелегко. Уже первый день мая принес несвойственную этому времени года жару; водяные смерчи носились по сверкающим волнам моря, как танцоры на балу, но никогда не касались земли. Виноград засыхал на лозах, не успев налиться. Когда же все-таки начались дожди, земля настолько пересохла и растрескалась, что мгновенно и с жадностью поглощала всю изливавшуюся с небес влагу.

Мадам Эскофье обнаружила, что грезит о первых днях своего супружества.

— Закрой глаза, — говорил ей тогда Эскофье. — Еда требует полного подчинения. — И он клал ей в рот аккуратно извлеченный из раковины морской гребешок. — Чувствуешь вкус моря?

Дельфина чувствовала. И не только соленый вкус моря и водорослей, но и вкус воздуха в тот момент, когда раковину выкапывали из песка.

— Похоже на приближающийся шторм. В сладком мясе гребешка чувствуется некий темный привкус. А ты что чувствуешь?

— Руку Господа.

Ее ничуть не удивляли эти слова. Ведь Эскофье был, в конце концов, истинным католиком.

Пока Дельфина не вышла замуж за Эскофье, всякое поглощение пищи казалось ей занятием чрезвычайно скучным. Ломтик поджаренного хлеба, яйцо, горстка овощей — ей, в общем-то, было все равно, что есть. Ей хотелось одного — писать стихи и суще-

ствовать как можно дальше от этого глупого мира. Любовь, материнство, брак — все это вызывало у нее презрение. «Женщине, чтобы выжить, нужна только она сама».

Впрочем, отец Дельфины явно имел иные жизненные ценности. Во всяком случае, такой вывод напрашивается. И в итоге во время очередной игры в бильярд — а играл он каждую неделю — он поставил на кон руку собственной дочери.

— Папа, ты что же, проиграл меня?

— Видишь ли, этот Эскофье играл, как человек, буквально одержимый любовью, — попытался объяснить свой поступок Поль Даффис.

Это было просто неслыханно! К тому же Дельфина знала, что ее отец играет очень хорошо. На мгновение ей даже показалось, что она просто плохо его расслышала. Отец крайне редко проигрывал, хоть и играл каждую неделю, а когда ему все-таки случалось проиграть, он всегда жаловался, что Эскофье обладает явным преимуществом, а это несправедливо: «Ему даже наклоняться не нужно, чтобы увидеть, куда нанести удар кием!»

Замечание было недоброе, но точное. Эскофье и впрямь был чрезвычайно мал ростом.

— Это что же, шутка такая? — снова спросила Дельфина, по-прежнему не веря собственным ушам.

— Какая там шутка! Это начало самой настоящей истории любви! Ты не находишь? — возразил Поль Даффис, надеясь на прощение.

Дельфина не находила. Она и виделась-то с этим Эскофье считаное число раз и всегда в обществе

Белые трюфели зимой

собственного отца. Они, собственно, были почти незнакомы.

— Но, папа, как такое вообще могло случиться?

— Очень даже просто. Он сказал: «Сегодня я сыграю». А я сказал: «И что поставите на кон?», и он ответил: «Все, что угодно, против руки вашей дочери».

— Не понимаю.

— Честно признаюсь, меня предложение Эскофье равнодушным не оставило. Ведь он гениальный шеф-повар! Как я мог ему отказать? Каждую неделю есть приготовленный им обед — это же поистине райское наслаждение!

— И все-таки я не понимаю, папа.

Но она прекрасно все понимала. Надо сказать, Дельфину Даффис вполне можно было назвать девушкой привлекательной. Она обладала этакой здоровой красотой и прямотушием, которое свидетельствовало о наличии в ее характере некоего авантюрного начала. Однако надежды на брак были для нее весьма невелики. «Слишком уж ты независимая», — упрекал Дельфину отец, втайне восхищаясь силой ее духа. И потом, Дельфина уже пользовалась определенным уважением и даже известностью как поэтесса. Кстати, успех она обрела именно благодаря своей независимости, даже, пожалуй, бесстрашию, хотя в девятнадцатом веке бесстрашие и независимость отнюдь не являлись теми свойствами, которые любой потенциальный муж хотел бы видеть в своей жене.

Короче говоря, у Поля Даффиса не было иного выхода, кроме как выдать свою старшую дочь замуж любым возможным способом. Издатель классической

литературы, он сам частенько жаловался Эскофье, что занимается таким делом, которому недостает «живости». Сыновей у него не было — только Дельфина и две маленькие девочки-двойняшки, которых он называл сюрпризами, поскольку обеим не было еще и трех лет. Случись с ним что, и его семейство осталось бы нищим. Дельфине просто необходимо было найти успешного жениха, а Эскофье в свои тридцать четыре года был, безусловно, успешен. Он, конечно, был старше Дельфины, но не так уж и намного, и давно уже служил в качестве *chef de cuisine*¹ в ресторане «Ле Пти Мулен Руж», который — как всегда спешил пояснить сам Эскофье — не имел ни малейшего отношения к пользовавшемуся весьма сомнительной славой кабаре «Мулен Руж» на Монмартре. Ресторан «Ле Пти Мулен Руж» был заведением в высшей степени уважаемым. И Эскофье занимал в нем весьма высокий пост.

Однако же этот ресторан был открыт только в течение летних месяцев, а потому Эскофье стал владельцем небольшой продуктовой лавки и ресторанчика в Каннах, открытых в течение всего зимнего туристического сезона.

Изобретательный, трудолюбивый и успешный, Эскофье обладал всеми необходимыми качествами, которые только мог любой отец пожелать для будущего мужа своей дочери. Поля, правда, несколько огорчало то, что Эскофье мал ростом и обладает хрупким

---

¹ Шеф-повар; директор ресторана в отеле (фр.).

Белые трюфели зимой

сложением, точно ребенок, но он отлично понимал: этот молодой человек обречен на успех. И по характеру Эскофье принадлежал к тому типу мужчин, которые, безусловно, приложат все силы, чтобы обеспечить жену и детей. Собственно, большего Полю Даффису и знать не требовалось. Во всяком случае, именно так он уверял себя. А потому, обняв Дельфину, он сказал ей:

— Ты должна мне верить. В том, что касается кухни, Эскофье — настоящий художник. А ты — настоящий художник в области слов. Вы будете счастливы вместе.

Но ей в последних словах отца явственно послышалось что-то иное: то ли вопрос, то ли сомнение.

А Поль Даффис прибавил шепотом:

— И потом, он мой друг. Я люблю его, можно сказать, как родного сына.

В общем, у Дельфины не было выбора.

На следующий день Эскофье пришел за своей невестой. Дельфина сидела в гостиной на небольшом диванчике в окружении чемоданов и шляпных коробок. Когда Эскофье вошел, она не только не сказала ему ни слова, но даже не пошевелилась; она лишь смотрела на него так, словно видит его впервые в жизни. Он был бледен и явно нервничал; похоже, ему, как и Дельфине, было весьма не по себе. Впрочем, внешне он оказался весьма привлекателен и для повара выглядел исключительно ухоженным — то есть это тогда он казался ей всего лишь каким-то поваром, простым работником. Одет он был поистине безупречно — в красивую рубашку с запонками, накрахмален-

ную и тщательно отглаженную, в невероятно дорогой фрак — времен Луи-Филиппа¹, — в брюки со штрипками и остро заглаженными стрелками. Его темные усы были изящно подстрижены и умащены благовониями. От него пахло лавандой и тальком. Если бы он не был поваром, он был бы почти идеален. Но он, к сожалению, был поваром.

И Дельфина просто представить себе не могла, что всю оставшуюся жизнь проживет с этим человеком.

«Он такой маленький, — думала она, — почти как мальчик».

Эскофье, похоже, прочел ее мысли. На лице у него вспыхнул румянец. И он сказал, глядя не на нее, а на беспорядочно сваленные у ее ног вещи:

— Я не могу заставить вас полюбить меня. Да я и не жду, что вы так сразу меня полюбите. Я прекрасно сознаю, какую шутку сыграла со мной природа, но все же надеюсь, что душа моя окажется для вас достаточно интересной и приятной.

Некоторое время они посидели молча, не зная, что еще сказать. Дельфина слышала, как за дверями гостиной шепчутся ее мать, отец и маленькие сестры. Затем отец громко откашлялся, словно пытаясь привести дочь в чувство и заставить ее заговорить. Дельфина закрыла глаза и сказала:

— Мне говорили, что любовь иногда впоследствии все же приходит. Со временем.

---

¹ Луи-Филипп (1773–1850) — французский король в 1830–1848 гг. Возведен на престол после Июльской революции 1830 г., свергнут Февральской революцией 1848 г. Сам Эскофье родился в 1846 г.

Белые трюфели зимой

Отец за дверью тут же открыл бутылку шампанского. Вино с шипением вырвалось наружу, выплеснулось на пол, подтекло под дверь и собралось в лужицу у ног Дельфины. И отчего-то при виде этой лужицы она расплакалась.

Первые дни их брака прошли, по сути дела, на кухне кафе «Faisan Doré», «Золотой фазан», в Каннах, владельцем которого был Эскофье. Времени на медовый месяц у них попросту не было: до зимнего туристического сезона оставалось меньше недели. «Я должен составить меню», — сказал Эскофье своей молодой жене, как только они сели в купе ночного поезда.

А утром, сварив кофе, он еще до восхода солнца ушел из дома, оставив Дельфине записку: «Приходи ко мне». Проснувшись, она тщательно оделась и прогулялась пешком до «Золотого фазана», а потом уехала завтракать за длинным кухонным столом, который Эскофье накрыл для нее одной. Там было все как полагается — льняная скатерть и салфетки, серебро и хрустальные бокалы для воды и для вина, а посреди стола в синей фарфоровой вазе красовался букет только что срезанных алых роз.

Дельфине никогда прежде не доводилось бывать в кухне ресторана. Она оказалась на удивление чистой, аккуратно прибранной, с большими светлыми окнами — в общем, совсем не такой, как она ожидала.

Как только она села, Эскофье принялся читать ей лекцию, словно своей ученице.

— Кухня, — вещал он, — требует четкой организации, а потому я создал некую систему, собственно, даже некую философскую концепцию, над которой